

Анатолий Агарков

*О чем молчала
станция*

Электронная версия

О чём молчала станица

*... бывают моменты в истории,
когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное
дело необходима во имя дальнейшего воспитания
этих масс и подготовки их к следующей борьбе.
(В. Ленин)*

Морозно в степи. В перелесках будто деревья греют, а на юру – совсем пропасть.

Возницы наглухо укутаны в бараньи лохматые тулупы. Седоки на пяти санях жмутся друг к дружке, зарываются в сено, прикрываясь сверху дерюжками. На последних – четверо.

- Лопатин, озяб? – ткнулся к нему в самое лицо закоченевший Бондарев.

- Замёрз... аж до самых кишок! – прохрипел уныло Лопатин. – Приедем-то скоро али нет?

- Кто его знает, спросить надо приятеля-то. Эй, друг, - ткнул он в рыжую овчинную тушу, - жильё-то, скоро ли будет?

- Примёрзли?

- Холодно, брат. Село-то, скоро ли, спрашиваю?

- Станица, - поправил возница и сказал: - Вёрст семь надо быть, а то и двенадцать.

- Так делом-то сколько же?

- А столько же! – буркнул возница, тряхнув вожжами.

- Как ты станицу-то называл?

- Кичигинская будет...

Мужик деловито и строго скосил глаза на седоков, на торчащие из сена приклады винтовок, помолчал минуту и сообщил:

- Ничего, можно сказать, не останется – бор проедем, к ужину в Кичигинской, а в Увельскую с утра надо ехать.

- А сам ты как, из Николаевки? – выщупывал Бондарев.

- Из неё, откуда же ещё-то быть?

В тоне возницы слышалась словно обида: какого, дескать, рожна пустое брехать – раз в Николаевке снаряжали сани в обоз, известно, и владельцы их оттуда.

- Ну, отчего же, дядя? Может и кичигинский ты? – возразил было Бондарев.

- Держи ту же – кичигинский....

И возница как-то насмешливо чмокнул и без надобности заворошил торопливо вожжами.

- Чтой-то, дядя, у тебя лошадки заморенные, а как с хлебом вертаться будем, до железки дотянут ли? – подначивал неугомонный Бондарев.

- Это у меня-то заморенные? – вдруг обиделся возница и молодецки вскинул вожжами, с гиком пустил коней целиком, обгоняя растянувшийся обоз, только снег завихрил, запушил в лицо. – Эй вы, черти! Н-но, родимые!.. Эге-гей! Нно-о!.. Соколики!

Мужика не узнать. Словно на скачках распалился он в заснеженном поле. И когда поутолив обиду, удержал разгорячившихся лошадок, повернул голову в высоком вороте, глухо заметил:

- Вот те и морёные.

- Лихо, брат, лихо, - порадовались его седоки.

Трофимову захотелось разузнать, как тут дела с Советами - крепки ли они, успешно ли работают.

- А чего ему не работать, известно.... Вот у казаков, там другое.

- У казаков? – и Лопатин на живое слово о политике кинулся, как кошка на сырое мясо.

- Так, а что же, раньше в старшинах да сотниках ходили, а теперь в Советах сидят те же богатеи. Никаких перемен нету. Мы же с ними с девятьсот пятого не в ладах.

Ты сам-то бунтовал? – выпростался из-под кошмы самый молоденький член отряда семнадцатилетний Гриша Богер.

- А как же, в ту пору все поднялись – и стар, и мал. Цельный месяц царя не признавали, да казачьё же нас потом и придавило.

Гриша, распахнув ворот гимназической шинели, сидел сбоку от облучка. Возница, обернувшись, отчётливо видел его раздумывавшееся лицо и белую как у девушки, шею, его, немного наивный и простой, любопытный взгляд, прислушивался сквозь скрип полозьев к его ломающемуся голосу. Богер ему нравился.

- А что ж, дядя, за народ ваш такой, николаевский, откуда?

- Так, курские мы, откуда ж ещё. Ишо при Катьке нас сюда пригнали. Супротив царя наш брат пошёл, батрак да победнее которые. Казаки ж врагами были.

- Что ж, восстание у вас было? – встрял Лопехин.

- Да было, конечно. Филя Коссаковский да Иван Долган коноводили, а мы за ними. Всех казачьё похватило и угнало в каторги.

- А ты там был?

Возница угрюмо отмолчался, зло хлестнул коней.

Гриша Богер влез с вопросом:

- А ты в Кичигинской бывал, дядя?

- Бывал, а как же....

Уже в виду стоящего стеной векового бора мужики-возницы заглядывали косо на чёрные сочные облака, дымившиеся по омрачённому небу.

Ветер задул резкий и неопределённый - он рвал без направления, со всех сторон, словно атаковал невидимого врага, кидался на него с яростью цепного пса. И как пёс, отшвыриваемый пинком, гневно судорожно завывал и снова бросался на непрошенных гостей. По земле кружились, мчались и вертелись снежные вихрастые воронки, пути забило, наглухо запорошило снегом. И стонал вековой бор.

Обоз с трудом пробивался просекой. Всё настойчивее, всё крепче и резче ударял по бокам стервенеющий ветер, всё чернее небо, круче и быстрее взвивались снежные хлопья, проникали во все щели, слепили глаза. Как в норы кроты, глубоко в тулупы зарылись возницы.

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО ЗДЕСЬ

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php